

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ ПОЛЬСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

18 октября исполнилось сто двадцать лет со дня смерти одного из предшественников Шопена, создателя поныне пользующихся признанием и популярностью фортепианных полонезов и других произведений, польского общественного и государственного деятеля Михала Клеофаса Огиньского.

Михал Огиньский родился 25 сентября 1765 года в Гузове, под Варшавой. Там прошли его детские годы, там получил он и первоначальное музыкальное образование под руководством прославленного впоследствии композитора Юзефа Козловского.

Первые творческие опыты Огиньского не дошли до нас. Из его неопубликованных «Писем о музыке», рукописные экземпляры которых имеются в Москве и Кракове, мы знаем, что его знаменитый полонез (фа-мажор) возник осенью 1792 года и был вторым по счету. Но уже этот ранний полонез, так же как и первый, привлек пристальное внимание польской общественности. В них Огиньский вышел за пределы чисто бытовой танцевальной музыки, к жанру которой относились все известные нам полонезы его предшественников и современников, и сделал первые попытки художественно-обобщенного развития этого жанра. По тому же пути Огиньский пошел и в последующих своих произведениях.

Когда композитор впервые приехал в Петербург в январе 1793 года, то убедился, что передовая русская общественность, всегда с искренним интересом и симпатией относившаяся к достижениям польской музыкальной культуры, по достоинству оценила и его полонезы, уже тогда завоевавшие широкую популярность и вошедшие в музыкальный быт русской интеллигенции.

Из неопубликованных писем Огиньского к жене мы знаем, что приезд в Петербург произвел на него глубокое впечатление: он восхищался игрой русских музыкантов, мастерством русских оперных и драматических артистов, величием русской столицы. «Какой город, мой дорогой друг! Несмотря на то, что я видел Лондон, Берлин, Дрезден и Вену, я был совершенно ошеломлен, проезжая в карете по широким улицам этой столицы, еще не существовавшей сто лет тому назад». — читаем мы, например, в письме от 3 января 1793 года.

В ранних произведениях Огиньского преобладают лирические настроения, связанные, по собственным словам композитора, с интимными переживаниями. Но уже ближайшие годы принесли исторические события, отнесшие к любовной лирике на второй план и насытившие драматизмом музыку Огиньского.

В марте 1794 года Талеуш Костюшко поднял знамя восстания против парского самодержавия, провозгласив лозунг: «Свобода, равенство, независимость!». Вместе с другими представителями передовой польской и литовской общественности Огиньский, занимавший тогда высокий пост великого литовского подскарбия (государственный казначей), примкнул к повстанцам. Как видно из сохранившихся в его архиве бумаг и печатных материалов, он перелал все дела и деньги Национальному Совету, заявив, что «приносит в дар Родине свое имущество, труд и жизнь». Войдя в состав Национального Совета в качестве «виленского делегата», Огиньский принял затем

К столетиям со дня смерти Михала Клеофаса Огиньского

командование одной из повстанческих частей и участвовал в нескольких сражениях.

В эти дни Огиньский создал марш для воинской части, которой он командовал. Марш этот с присочиненным к его мелодии текстом, по словам композитора, исполнялся и в других частях повстанческой армии.

После подавления восстания, неудача которого была связана прежде всего с предательской ролью польской шляхты, от которой, естественно, отшатнулись обманутые ею крестьянские массы, Огиньский осенью 1794 года эмигрировал в Италию.

Последующие годы были самыми тяжелыми в его жизни. Вместе с другими польскими патриотами он пытался организовать освободительное движение за восстановление независимости Польши. Так же, как и многие другие деятели польской эмиграции, Огиньский доверился Наполеону, по указанию которого были сформированы «польские легионы». Но десятки тысяч поляков погибли, сражаясь не за свою родину, во имя которой они взяли за оружие, а за осуществление захватнических планов Бонапарта. В музыке Огиньского запечатлелись впоследствии трагические события тех лет: и фанфары идущих в бой легионов, и героические подвиги обманутых французским диктатором польских патриотов, и отзвуки скорби, овладевавшей их сердцами. И недаром Франц Лист в своей поэтичной книге о Шопене пишет, что полонезы Огиньского воспринимаются как «шестые, некогда торжественные и шумные, но ставшие молчаливыми и сдержанными при приближении к могилам, соседство которых умеряет надрывность и смех...».

После амнистии, в силу которой участники восстания получили возможность вернуться из эмиграции, Огиньский вновь приехал в 1802 году в Петербург. Здесь благодаря инициативе его учителя Козловского, с 1799 года занимавшего пост придворного «инспектора музыки», были изданы два сборника произведений Огиньского.

Огиньский отмечает в своих «Письмах о музыке», что эти издания, награвированные по распоряжению Козловского в петербургской нотопечатне Дальма, имели большое значение для дальнейшего распространения авторских редакций его произведений, которые до этого зачастую выпускались различными западноевропейскими фирмами с грубейшими искажениями.

Высоко ценил творчество своего талантливого ученика, Козловский сам тщательно переписывал его произведения.

В одном из альбомов Козловского содержатся, например, включенные им туда марш и знаменитый до-минорный полонез Огиньского. Этот полонез сам композитор, иронически относившийся к названиям, которыми снабжали его произведения предпринимчивые издатели, назвал «Прощание», как сказано в его «Письмах о музыке».

Последние годы жизни Огиньский, сохраняя до конца своих дней знание русского сенатора, провел во Флоренции, где он скончался 18 октября 1833 года.

Творческое наследие Огиньского не исчерпывается полонезами, маршами и романсами, а включает также мазурки и вальсы и одноактную оперу «Зели и Валькур или Бонапарт в Каире». В архиве композитора сохранились, кроме того, рукописи различных фортепианных пьес (в том числе галопы) и вокальных произведений, написанных частично на польские тексты.

Огиньский придавал громадное значение борьбе за самобытность национальных культур славянских народов. Он внимательно изучал, например, произведения чешских композиторов, знакомясь с их творчеством нередко еще до опубликования их произведений.

«Письма о музыке» Огиньского содержат не только критичек очерк развития музыкального искусства, но и смелые, передовые высказывания по вопросам музыкальной эстетики, причем важно подчеркнуть, что Огиньского особенно волновала проблема народности и национального своеобразия музыкальной культуры. В этом труде, хотя и не изданном, но получившем распространение в рукописных копиях (об этом свидетельствуют хотя бы имеющиеся на него ссылки в словаре «Польские музыканты», изданном Войцехом Совиньским в Париже в 1857 году), Огиньский пишет о песнях, танцах и музыкальных инструментах польского, русского, украинского, чешского и других славянских народов, много раз указывая, что творчество композиторов должно развиваться на национально-своеобразной народной основе.

Не подлежит сомнению, что творчество и музыкально-эстетические высказывания Огиньского сыграли заметную роль в годы, непосредственно предшествовавшие периоду расцвета классической польской литературы и музыки, связанному с великими именами Мицкевича и Шопена. Огиньский видел залог успеха борьбы за национальную самобытность отечественной культуры в укреплении ее связей с культурами братских славянских народов и прежде всего с культурой великого русского народа.

Архив Огиньского свидетельствует об искренней любви и глубоком, никогда не ослабевавшем интересе композитора к русской культуре. Он изучал русские народные песни, произведения русских и зарубежных композиторов, написанные на темы этих песен, высоко ценил достижения русского исполнительского искусства и завоевания русского народа во всех областях литературы и науки. Чрезвычайно показательно в этом отношении неопубликованное письмо Огиньского к его другу Леонарду Холцко, датированное 26 августа 1828 года. В этом письме, копия которого сохранилась в архиве композитора, Огиньский указывает, что «роман Пушкина и большая часть других его произведений приводятся в иностранных журналах как заслуживающие подражания образцы литературы, и что многие другие русские известны в остальной части Европы как выдающиеся математики, как минералоги, как историки, труды которых переводятся, как географы и путешественники, которые делают полезные открытия во время своих кругосветных путешествий, — одним словом, как писатели и ученые во всех областях...».

Огиньский сделал ценный вклад в польскую культуру. В ряду замечательных представителей польского музыкального искусства ему принадлежит почетное место.

Профессор Игорь БЭЛЗА.